УДК 811.511.132’28’34

С. А. Сажина
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

Фонетические маркеры нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка[1]

Статья посвящена рассмотрению дифференциальных фонетических черт нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка. Эмпирической базой послужили лингвистические материалы, полученные в результате полевого изучения языка нердвинских коми-пермяков. В результате исследования выявлены отличительные явления в области вокализма и консонантизма, рассмотрены характерные для идиома звуковые явления и процессы.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нердвинский диалект, фонетика, морфология, нердвинские коми-пермяки.

---

[1] Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Вопросы всестороннего исследования специфики диалектных микросистем коми-пермяцкого языка в настоящее время приобретают особую актуальность: на протяжении длительного времени диалекты подвергаются активной ассимиляции русским языком, что в свою очередь ведет к сужению их функционирования и постепенной утрате языкового своеобразия. Несмотря на значительные успехи в деле обобщающего исследования фонетического строя и морфологической системы коми-пермяцких диалектов [Баталова 1975; 1982; 1998], ряд диалектных микросистем остаются обстоятельно не изученными. К таковым идиомам относится и нердвинский диалект, являющийся объектом исследования настоящей статьи.

Нердвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка бытует на территории современного Ленинского сельского поселения Кудымкарского района Пермского края. Исследуемый идиом является самой южной территориальной разновидностью коми-пермяцкого языка; на севере граничит с кудымкарско-иньвенским диалектом, с юга окружен русскими говорами. В настоящее время его носителями являются люди среднего и старшего возраста, проживающие в деревнях Мазунина, Подгора, Пронина, Пятино, Якина и в селе Ленинск Кудымкарского района Пермского края.

Идиом относится к числу диалектов, специфика которых описана фрагментарно; некоторые сведения о его особенностях отражены в работах В. И. Лыткина [Лыткин 1955: 26, 51–52; 1957: 59], Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 229–230], А. С. Кривощековой-Гантман [КПГ 1980: 14–17], А. С. Лобановой [Лобанова 2009: 221–228].

В настоящей статье рассмотрены наиболее значимые фонетические особенности нердвинского диалекта. Источниковой базой послужили материалы, полученные в результате полевого изучения языка нердвинских коми-пермяков в 2019 и 2022 гг. Обследованием были охвачены все населенные пункты, в которых в настоящее время проживают носители идиома. В результате двух экспедиций собран языковой материал, который впервые вводится в научный оборот и подвергается предварительному лингвистическому анализу.

Нердвинский диалект по составу фонем и их артикуляционно-акустическим характеристикам не обнаруживает отличий от других диалектов южного и северного наречий коми-пермяцкого языка.

1. Основным фонетическим маркером рассматриваемого диалекта является его эловый характер. Этот южнопермяцкий островной эловый идиом разделен от других коми-пермяцких эловых диалектов зоной вэовых южнопермяцких говоров, к которым относятся кудымкарско-иньвенский и нижнеиньвенский диалекты.

Этимологический *л* в нердвинском диалекте сохранился во всех позициях в слове: 1) в анлауте: *ло˙кны* ‘прийти’, *лун* ‘день’; 2) в инлауте:

гылйа·лны ‘полоскать’, *уджа·ламӧ* ‘работаем’; 3) в ауслауте: *а·сыл* ‘утро’, *эг вӧл* ‘не видел(а)’.

В исконных словах в начале слова звук *в* сохраняется: *вайӧ·тны* ‘приводить’, *ва вылын* ‘на воде’, *ва·жын* ‘давно’. Сохраняется звук *в* и в русских заимствованиях: *мол'и·тваэз* ‘молитвы’, *ва·таис'* ‘из ваты’, *сва·д'ба* ‘свадьба’. Зафиксирован лишь единичный случай произношения *л* вместо *в* в ауслауте заимствованного слова: *морко·л* ‘морковь’. Случаи перехода этимологического звука *в* в *л*, характерные для некоторых коми-пермяцких эловых говоров (*лаас* вместо *ваас* ‘в воду’, *луг* вместо *вуг* ‘ручка’ [Баталова 1975: 44–47]), в нердвинском диалекте нами не зафиксированы.

Во время полевых исследований нами уточнены случаи функционирования звука *в* в инлаутной позиции: 1) в качестве вставочного звука: *зува·лам* ‘прочесываем’, *йува·лас* ‘спросит’, *ло·вис* ‘случилось’ и, вероятно, по аналогии с вышеперечисленными случаями в словах *сува·лны* ‘стоять’, *кол'ва·лны* ‘провожать’; 2) в составе заимствованного суффикса прилагательных *-овӧй* / *-ӧвӧй* / *-вӧй*: *вуру·новӧй* ‘шерстяной’, *пу·овӧй* ‘деревянный’, *кушма·нӧвӧй* ‘из редьки’, *дӧ·равӧй* ‘холщовый’; 3) в начале второго компонента в сложных словах: *с'инва* ‘слеза’, *йогва* ‘Ёгва’, *полва* ‘Полва’; 4) перед звуком *й* в слове *но·вйыны* ‘носить’ и спорадически в словах *ло·вйа* ‘живой’ (тж. *ло·лйа*), *гывйа·лны* ‘полоскать’ (тж. *гылйа·лны*).

Спорадически звук *в* наблюдаем в ауслауте слова *лов* ‘душа’. Любопытно, что произношение данного слова не подчиняется звуковому закону сохранения этимологического *л* в ауслауте и инлауте перед согласным также в эловых верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка и верхнесысольском диалекте коми языка: вкам. *лов пэтис* ‘умер, букв. испустил дух’, *лова·лны эз понды* ‘дышать перестал’; вс. *лӧвшы* ‘дыхание’, *лӧвалны* ‘дышать’, *лӧвйӧн* ‘живьем’ и др.

2. Дифференциальной чертой нердвинского диалекта является смягчение анлаутного *л* перед гласным э в исконных словах *л'э·птыны* ‘поднимать’, *л'э·дзны* ‘отпустить’, *л'э·бны* ‘лететь’, *л'э·ччыны* ‘спускаться’. Однако, по нашим наблюдениям, данная черта характерна не для всех говоров диалекта. Так, носители диалекта родом из населенных пунктов Кекур и Тихонята в обозначенных словах звук *л* произносят твердо. Явление смягчения анлаутного *л* перед гласным э, согласно нашим полевым исследованиям, характерно также для верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка: *л'э·чыд* ‘острый’, *л'э·з'ны* ‘отпустить’, *л'э·бны* ‘лететь’, *л'э·ччыны* ‘спускаться’ [Сажина 2016: 248]. Единичные случаи смягчения зафиксированы и в некоторых коми-зырянских говорах: сс. (Ч.) *л'эбны* ‘лететь’; нв. *л'эч* ‘силки’, иж. *л'эс'тооны* ‘точить, оттачивать’ [ССКЗД 1961: 210]. В других коми диалектах (зырянских и пермяцких) данное явление не встречается.

3. Для нердвинского диалекта не характерно явление смягчения заднеязычных согласных *к*, *г* и их переход в смычные палатальные *т′*, *д′* в абсолютном начале слова в позиции перед гласными переднего ряда э, *и*. Исследуемый идиом относится к *к* / *г* типу говоров: ***кэ***ˑ*рны* ‘делать’, *ыˑджыт лун* ***кэ****жӧ* ‘к Пасхе’, ***ки****н* ‘кто’, ***ки****тсаˑлны* ‘кликать, звать’, ***ки****ˑс′тыны* ‘наливать’, ***ки****л′* ‘шелуха’; *гэз* ‘веревка’, *гэрӧˑтлыны* ‘причитать, оплакивать’, *гиˑжны* ‘писать’, *гил′ӧˑтны* ‘щекотать’.

Следует отметить, что указанное фонетическое явление в полной мере характерно для одних коми говоров (зырянских и пермяцких), отсутствует в других, в третьих говорах наблюдается варьирование *к* ~ *т′*, *г* ~ *д′*. К сожалению, на данный момент точная распространенность этого явления в ареале коми диалектов не установлена.

4. В изучаемом идиоме наблюдаются особенности в функционировании согласного *й* в середине слова.

В середине слова согласный *й* всегда ассимилируется предшествующим согласным *ш* либо *ж*: *вэшшаˑн* ‘штаны’, *пэшшаˑлны* ‘вставлять лучину в светец’, *чышшаˑн* ‘платок’, *чуˑжжыны* ‘пнуть’. Данный процесс свойственен также большинству говоров кочевского диалекта, кудымкарско-иньвенскому диалекту, азовскому и тукачевскому говорам нижнеиньвенского диалекта [Баталова 1975: 55–57].

Согласно исследованиям Р. М. Баталовой, для всех диалектов коми-пермяцкого языка характерно выпадение согласного *й* в интервокальной позиции [Баталова 1975: 50–51]. В нердвинском диалекте, по нашим наблюдениям, *й* в данной фонетической позиции чаще всего сохраняется: *миˑ****й****ӧ* ‘мы’, *виˑ****й****исӧ* ‘убили’, *прэˑмий****а*** ‘премия’, *кыˑ****й****и* ‘вязала’, *вaˑ****й****и* ‘принесла’ и др. Изредка встречаются также случаи выпадения *й*: *с′уыˑштасӧ* ‘засунут’, *куиˑмис′* ‘три раза’.

Кроме того, нами замечены случаи использования данного согласного в функции вставочного: *ӧˑр****й****ын* ‘в корытце’, *тшыˑг****й****ӧн эз ол* ‘голодным (букв. в голоде) не жил’, *гроˑб****й****ас* ‘в гроб’.

5. Для нердвинского диалекта характерны случаи выпадения согласных в слове.

5.1. В посессивных формах аккузатива Px2.Sg, Px3.Sg и Px3.Pl, а также номинатива Px2.Sg замечено выпадение конечного согласного *з* / *с* суффикса множественного числа: *крыˑшаэсӧ* ‘крыши’, *с′иˑннэсӧ изводаˑлис* ‘глаза испортил’, *вуˑндаллисӧ гӧˑггэнысӧ* ‘отрезали пупки’, *моˑрттэсӧ* ‘людей’, *зороˑддэсӧ тэˑчи* ‘стога складывал’, *бл′иˑннэсӧ пӧжаˑласӧ* ‘блины испекут’, *коˑккэтӧ поˑна гил′ӧˑтны* ‘ноги буду щекотать’, *с′иˑннэт поˑнасӧ вэтлӧˑтлыны* ‘глаза твои’. Отметим, что процесс выпадения согласного *з* из суффикса множественного числа в середине слова перед падежными и лично-притяжательными суффиксами в той или иной мере свойственен всем южным диалектам и некото-

рым говорам северного наречия коми-пермяцкого языка [Баталова 1975: 66–70; Баталова 1982: 85–90].

5.2. Выпадение согласного *т* в сочетаниях *с'т, шт* наблюдается в позициях конца слова и середины слова перед согласными: *йурби·тыш* ‘помолись’, *бо·с'нытӧ* ‘взять’. В положении перед гласными согласный *т* восстанавливается: *шоччи·с'ышта* ‘(я) отдохну немного’, *бо·с'тин* ‘(ты) взял’. Данное фонетическое явление имеет место также во всех коми-пермяцких и южных зырянских диалектах.

5.3. В спрягаемых формах вспомогательного глагола *по·ндыны* ‘начать’ при быстром темпе речи наблюдается выпадение согласного *д* (*пона, понан* и т. д.), либо сочетания *нд* (*поа* / *паа*), *поан* / *паан*) и т. д.), и как следствие – появление аллегровых вариантов данного глагола. Примеры: *му·нны* ***по·намӧ*** ‘будем идти’, *мэ дзэпчи·с'ны ог* ***по·ны*** ‘я прятаться не буду’, ***по·нан*** *ноо·тны* ‘будешь вести’, ***по·ам*** *о·лны?* ‘будем жить?’, *са·д'ӧ* ***по·нис*** *су·дзны* ‘сил стало хватать’; ***па·а*** *вэтлӧ·тны?!* ‘Я ради него буду ходить?!’, *маши·найас* ***па·асӧ*** *му·нны* (< *поасӧ*) ‘машины будут ехать’, ***по·асӧ*** *кэ·рку мис'ка·лны* ‘будут дом мыть’.

5.4. Выпадение согласного *н* при быстром темпе речи замечено в формах генитива и датива личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа: *мэ·ам* (< *мэнам*) ‘мой’, *мэ·эм* (< *мэым* < *мэным*) ‘мне’, *тэат* (< *тэнат*) ‘твой’, *тэ·эт* (< *тэыт* < *тэныт*) ‘тебе’.

6. Из фонетических явлений в области согласных в нердвинском диалекте часто встречается аффрикатизация, заключающаяся в уподоблении взрывных *т*, *д* последующим аффрикатам: *со·ччас* (< *сотчас*) ‘сгорит’, *сэ·ччӧдзка* (< *сэтчӧдзка*) ‘до того места’, *оз тӧ·ччы* (< *оз тӧдчы*) ‘не видно’, *пы·рччӧ* (< *пыртчӧ*) ‘примите крещение’, *мӧдӧ·ччан пас'кӧм* (< *мӧдӧтчан*) ‘одежда на выход’, *баи·ччыны* (< *баитчыны*) ‘разговаривать’, *ко·дздзан* (< *коддзан*) ‘опьянеешь’, *ви·ччан* (< *видчан*) ‘ругаешься’. Аффрикатизация происходит также на стыке основ с согласными *т, д, дз* в анлауте и суффикса сравнительной степени *-жык*: *о·дзджык, о·джджык* (< *одзжык*) ‘раньше’, *ыджы·джджык* (< *ыджытжык*) ‘больше’, *крэпы·джык* (< *крэпытжык*) ‘крепче’, *йугы·джджык* (< *йугытжык*) ‘светлее’, *гӧ·рджджык* (< *гӧрджык*) ‘краснее’.

Явление дезаффрикатизации в целом не характерно для идиома, однако зарегистрированы единичные случаи данного процесса: *кышӧ·мкӧ* ‘какой-то’, *жынйа·лас* ‘поделит пополам’, *ви·з'ны* ‘держать’.

Зафиксированы случаи оглушения, при котором звонкие (парные) согласные, функционируя перед глухими согласными, переходят в свою глухую корреляту: *мӧ·тсӧ* (< *мӧдсӧ*) ‘другого’, *бы·тти* (< *быдти*) ‘вырастил’, *эс пӧдна·л* (< *эз пӧднал*) ‘не закрыл’; а также альвеозация: *кы·жжык* (< *кызжык*) ‘толще’, *о·жжык потла·с'* (< *озжык потлас'*)

‘менее подвержена растрескиванию (о глине)’ и палатализация согласных: *ос′ с′эт* < *ос с′эт* ‘не дает’, *мӧд′ н′ож* < *мӧд н′ож* ‘по-другому’.

7. В исследуемом идиоме имеют место ассимилятивные явления в области гласных, хотя не столь значительно, как в других южных коми-пермяцких диалектах. Встречается как прогрессивный, так и регрессивный тип уподобления. Уподобление гласных зафиксировано: а) в корневой морфеме: *коро·с′* (< *корӧс′*) ‘веник’, *ноо·тны* (< *нуотны* < *нуӧтны*) ‘вести’, ***ы**шы·нас* (< *ӧшынас*) ‘в окне’, *рудзо·г* (< *рудзӧг*) ‘рожь’, *ла·ас* (< *лоас*) ‘будет’, *па·ам* (< *поам*) ‘будем / начнем’; б) в суффиксальной морфеме: *кру·шка**а*** (< *крушкаӧ*) ‘в кружку’, *во·лок**о**т′ис* (< *волокӧт′ис*) ‘по волоку’, *пожу·мо**в**вӧй* (< *пожумӧвӧй*) ‘сосновый’, *н′о·н′а**а*** (< *н′он′аӧ*) ‘моя крестная’, *мӧд бо·кс′ин′**и**с* (< *бокс′ин′ыс*) ‘с другой стороны’, *бӧ·рс′ан′**а**м* (< *бӧрс′ан′ым*) ‘за мной’; *ви·**и**т* (< *виыт*) ‘масло-то’, *с′и·то**о*** (< *с′итоӧ*) ‘в сито’, *л′э·птӧн**ӧ*** (< *л′эптӧны*) ‘поднимают’, *зы·бка**а*** (< *зыбкаӧ*) ‘в колыбель’, *му·**у**н* (< *муын*) ‘в земле’. Чаще всего ассимиляции подвержены гласные *ӧ* и *ы*.

8. Во избежание зияния в диалекте спорадически происходит стяжение гласных на стыке неодносложной основы слова или морфологического показателя (чаще всего на гласную *-а*) и морфологического показателя с гласным звуком в анлауте: *о·лӧмас′* (< *олӧмаӧс′*) ‘жили’, *вӧ·лӧмас′* (< *вӧлӧмаӧс′*) ‘были’, *ӧ·д′д′ӧн га·жа мэ·стын* (< *мэстаын*) ‘в очень красивом месте’, *абу уджа·лӧмӧс′* (< *абу уджалӧмаӧс′*) ‘не работали’, *дӧ·равӧй* (< *дӧраӧвӧй*) ‘холщовый’, *с′о·ркн′ивӧй* (< *с′оркн′иӧвӧй*) ‘из репы’ и др.

9. Значительное место в нердвинском диалекте занимают процессы морфологизации ударения. Ударными являются 1) отыменные и отглагольные суффиксы существительных: *-ӧг, -ӧс, -ис′, -ан, -ӧт, -ын, -ас* и др.: *кымӧ·с* ‘лоб’, *майӧ·г* ‘кол’, *чики·с′* ‘коса’, *йукмӧ·с* ‘прорубь’, *пытшы·н* ‘оторочка’, *шогӧ·т* ‘болезнь’, *каз′тис′а·н* ‘поминки’, *соролта·с* ‘смесь’ и др.; 2) деминутивный суффикс существительных *-ок*: *курӧжо·ккэз* ‘курочки’, *чэмодано·к* ‘чемоданчик’, *ин′као·к* ‘женщина’, *кэркуо·к* ‘домик’, *вӧро·к* ‘лесок’; 3) слог, предшествующий деминутивному суффиксу прилагательных *-ик*: *н′эбы·т′ик* ‘мягонький’, *вэкн′а·т′ик* ‘узенький’, *куры·т′ик* ‘горьковатый’; 4) деминутивный суффикс прилагательных / наречий *-ын′ик*: *слабы·н′ик* ‘слабенький’, *шочы·н′ика* ‘редковато’; 5) глагольные суффиксы *-ӧт, -ал, -ис′, -ыш, -олт, -ӧлт, -ас′, -уйт, -айт, -ит, -ыл* и др. как в инфинитивных, так и личных формах глагола: *тшыкӧ·тӧ* ‘наводит порчу’, *видзӧ·т* ‘смотри’, *уджа·лӧмӧс′* ‘работали’, *пука·лан* ‘сидишь’, *виччи·с′ӧ* ‘ждет’, *баи·тлӧм* ‘говорил’, *с′уйы·шны* ‘засунуть’, *т′ут′т′а·с′ан* ‘качаешься на качелях’, *чэччӧ·лтан* ‘подпрыгнешь’, *соро·лтимӧ* ‘замешали’, *танцу·йтӧнӧ* ‘танцуют’, *запты·лисӧ* ‘запасали’ и др.; 6) слог, предшествующий суффиксу

сравнительной степени *-жык*: *уна·жыкис'* ‘большее количество раз’, *пӧри·с'жык* ‘старше’, *бэднӧ·йжыкӧс'* ‘беднее’, *бойо·кжык* ‘побойчее’ и др.; 7) суффикс собирательных числительных *-нан*: *н'ол'на·ным* ‘мы вчетвером’.

Рассмотренные нами фонетические особенности нердвинского диалекта позволяют заключить, что важнейшими фонетическими маркерами идиома являются *л*-овый характер говора и смягчение анлаутного *л* перед гласным э в исконных словах. Сопоставление рассмотренных черт с языковыми особенностями других коми-пермяцких диалектов демонстрирует наибольшее сходство исследуемого идиома с кудымкарско-иньвенским диалектом; эловый характер сближает его с севернопермяцкими и южным оньковским диалектами.

Сокращения

вкам. – верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка; иж. – ижемский диалект коми языка; нв. – нижневычегодский диалект коми языка; сс. – среднесысольский диалект коми языка; Ч. – говор с. Чухлом сысольского диалекта коми языка.

Литература

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.

Баталова Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: науч. докл., представл. в качестве дис. … д. филол. н. М., 1993. 70 с.

КПГ 1980 – Кривощекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980. 70 с.

Лобанова А. С. О некоторых особенностях нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С. 221–228.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. Ч. I. 135 с.

Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2 (12). С. 40–48.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.